

DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-4-260

УДК 304.2

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

НАУЧНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

М.А. Васильева

Статья посвящена изучению концептуализации пространства в эпоху Просвещения. Автор рассматривает научный подход к пространству, сложившийся в Новое время, художественное осмысление пространства и практик зрения, которые проявляются в живописи, а также новую оценку социальной значимости пространства и появления идеи общественных пространств. В статье рассматриваются общие идеологические основания эпохи Просвещения, повлиявшие на новое отношение к пространству и его социальной роли. В частности, высказывается предположение о высоком значении античных образов в процессе формирования единого языка и общего пространства коммуникации для разных интеллектуальных кругов XVIII в.

Статья рассматривает основные позиции, важные для сложившегося в тот момент понятия «дизайн среды»: инструментальное отношение к пространству и заведомая вариативность форм, проективность среды, а также наличие социальных групп, которым доступно это проектирование. Автор предлагает рассмотреть эпоху Просвещения (XVIII в. и первую половину XIX в.) как начало большой работы по созданию эффективных приемов и техник для создания пространств, в которых социальные и политические цели реализовывались за счет эстетических приемов.

Ключевые слова: эпоха Просвещения; русское просвещение; концептуализация пространства; пространство в живописи; дизайн среды; общественные пространства; античные образы

Для цитирования. Васильева М.А. Научный, художественный и социальный аспекты концептуализации пространства в эпоху Просвещения // *Russian Studies in Culture and Society*. 2024. Т. 8, № 4. С. 4-19. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-4-260

Original article | Theory and History of Culture and Art

SCIENTIFIC, ARTISTIC AND SOCIAL ASPECTS OF THE CONCEPTUALIZATION OF SPACE IN THE ENLIGHTENMENT

M.A. Vasilyeva

The article is devoted to the study of the conceptualization of space in the Enlightenment. The author examines the scientific approach to space that developed in the New Age, the artistic understanding of space and the practices of vision that manifest themselves in painting, as well as a new assessment of the social significance of space and the emergence of the idea of public spaces. The article examines the general ideological foundations of the Enlightenment that influenced the new attitude to space and its social role. In particular, an assumption is made about the high significance of ancient images in the process of forming a single language and a common space of communication for different intellectual circles of the 18th century. The article examines the main positions that are important for the concept of “environmental design” that developed at that time: an instrumental attitude to space and the deliberate variability of forms, the projectivity of the environment, as well as the presence of social groups that have access to this design. The author suggests considering the Enlightenment (the 18th century and the first half of the 19th century) as the beginning of a great deal of work on

creating effective methods and techniques for creating spaces in which social and political goals were realized through aesthetic techniques.

Keywords: *Age of Enlightenment; Russian Enlightenment; conceptualization of space; space in painting; environmental design; public spaces; ancient images*

For citation. *Vasilyeva M.A. Scientific, Artistic and Social Aspects of the Conceptualization of Space in the Enlightenment. Russian Studies in Culture and Society, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 4-19. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-4-260*

Введение

Категория пространства в том виде, в котором мы ее знаем, является важным достижением Нового времени. Изменение научного взгляда на пространство, появление и осмысление новых практик в живописи, связанных с его изображением, становятся довольно популярной и исследуемой темой. Влияние этих изменений на культуру в основном рассматривается в рамках одной сферы деятельности: собственно, науки или искусства. Однако будет полезен и плодотворен целостный взгляд на культурные процессы, когда мы можем проследить взаимное влияние научных, художественных и социальных практик осмысления пространства в XVIII-XIX вв.

Сегодня это крайне актуально, поскольку сложившееся, понимаемое как должное и естественное представление о пространстве претерпевает изменения в связи с развитием информационного поля, интернета. Интернет сразу стал особым пространством коммуникации, социальной и персональной репрезентации, сосуществования смыслов. Мыслить его в пространственных категориях довольно удобно. Можно сказать, что пространственная метафорика передалась ему по наследству от печатного текста. При этом развитие информационных технологий, сложная сетевая структура новых процессов и явлений побуждают вернуться к пересмотру, ревизии наших представлений о пространстве. Самая главная причина, почему это необходимо, состоит в запутанности метафорических и реальных пространственных отношений. Например, реальное пространство города расширяется

и усложняется интерактивным пространством, раскрывающимся в навигаторах и онлайн картах. Развитие городской среды уже сложно представить без развития ее представленности онлайн. Другой пример – метавселенные, в которых пространственные категории, оставаясь чистой метафорой, влияют на многие, в т.ч. экономические отношения. Так, в метавселенных можно было купить «участок», стоимость которого зависела от статуса и знаменитости соседей. Очевидно, что это соседство символическое, но вся структура метавселенной выстраивалась именно в пространственных терминах и категориях, как базовых. Сегодня мы наблюдаем значимость этих категорий повсеместно еще и благодаря развитию дизайна, который также выстраивается вокруг определенных представлений о пространстве и пространственных отношениях. Интересно, из чего сложились эти представления в прошлом и насколько это может трансформироваться в будущем под влиянием новых практик.

Данная статья обращается к эпохе Просвещения, поскольку в этот период многие черты культуры Нового времени проявляют себя очень ярко. Научный взгляд на пространство в большей степени подвергся изменению еще до этого времени, однако мы можем выделить период XVIII-XIX веков как целостное воплощение обновленных представлений вне науки. Социальные, политические, образовательные, эстетические и художественные практики Просвещения выражали новую картину мира, ценности и воспитательные ориентиры. Пространство в этих практиках стало рассматриваться как важный инструмент и ресурс. При этом каждая сфера вносила свои коррективы в его восприятие. Цель этой статьи состоит в сопоставлении представлений о пространстве и практик работы с ним в разных сферах культуры. Для этого кратко будет освещен каждый из аспектов восприятия взятой для анализа категории: научный, художественный, социальный, – а также проведен их комплексный культурфилософский анализ. Новизна исследования состоит в обнаружении и артикуляции связей между разными сферами культуры в вопросе о пространстве и его репрезентации, а также демонстрации их актуальности для современного представления.

Проблематизация пространства в науке Нового времени

В данном контексте нас интересуют научные представления о пространстве и их изменения в Новое время, как некоторая база, фундамент, на котором выстроились все остальные практики. Известный историк науки Александр Койре подробно рассмотрел процесс утверждения новой научной концепции пространства в своей работе «От замкнутого мира к бесконечной Вселенной». Он выделяет нескольких мыслителей, внёсших наибольший вклад в этот процесс, и резюмирует наиболее важные и революционные особенности представлений. Конечно, основные вопросы, которые волнуют Николая Коперника, Джордано Бруно, Иогана Кеплера, Галилео Галилея, Рене Декарта, Исаака Ньютона, Готфрида Лейбница и других ученых XVI-XVII вв., кажутся довольно далекими от искусства и социальных процессов. Споры об однородности и бесконечности пространства, его структуры и возможности пустоты, на первый взгляд, не могли напрямую повлиять на перестройку городов и организацию интерьеров. Однако, как всегда бывает в культуре, разные сферы и позиции тесно переплетены, и можно обнаружить их активное влияние друг на друга.

В данном случае, важным оказывается, во-первых, сам интерес к осмыслению пространства, который ранее не был столь интенсивен. Поскольку авторы того времени не ограничивались только одной сферой изысканий, а были одновременно и учеными, и философами, а зачастую еще и социальными теоретиками, этот интерес нельзя назвать сугубо научным. Во-вторых, для других сфер деятельности оказываются значимы размышления об абсолютности пространства, поскольку идея пустоты подразумевает возможность разнообразного заполнения. Это можно сформулировать как вопрос о соотносительности материальной Вселенной и абсолютного бесконечного пространства. Как пишет Койре, в итоге победил Ньютон и «Ньютонианский Бог верховно правил в бесконечной пустоте абсолютного пространства, где сила всеобщего притяжения соединяла атомарно сложенные тела безмерной вселенной и заставляла их двигаться в соответствии со строгими математическими законами» [10, с. 243].

Пространство стало мыслиться как наполняемое, при этом имеющее собственные правила и законы организации вложенных в него объектов. Эта позиция оказывается крайне влиятельной в науке, но можно также проследить ее отголоски и в других сферах. Вместе с идеей о возможностях человеческого разума и необходимости его развития она дала толчок к рефлексии о наполнении окружающего нас пространства, что уже непосредственно влияет на социальную и художественную сферы.

Понимание пространства в искусстве эпохи Просвещения

Для искусства XVIII-XIX вв. пространство уже органично мыслится как первичное, вмещающее объекты и явления, что является логичным продолжением научных взглядов. Это влияет на разные виды искусства. С точки зрения живописи, у пространства появляются собственные законы, принципы изображения, которые не зависят от того, что собрался изобразить художник. В первую очередь, конечно, это законы прямой перспективы и изображение объема с помощью света и тени. С точки зрения архитектуры это приводит к появлению концепции среды – инструментального взгляда на пространство, которое можно некоторым образом организовать, наполнить для достижения должного социального и воспитательного эффекта. Рассмотрим, для начала, особенности живописных практик изображения пространства.

Практики изображения линейной перспективы уже давно находятся в фокусе внимания различных исследователей и в достаточной степени изучены. Здесь можно вспомнить тексты Павла Александровича Флоренского [12], Эрвина Панофского [11], Михаила Ямпольского [16] и других авторов. При этом, развитие представлений о тенях и объеме в живописи активно осмысливается относительно недавно. Здесь следует выделить обстоятельную работу Майкла Баксандалла «Тени и Просвещение». В ней автор показал значимость тени в художественных и философских рассуждениях XVIII века. От оптики и физики, осмысление тени распространяется на гносеологию и то, что мы сейчас назвали бы психологией [2].

В то же время можно сказать, что появляется категория художественного пространства как самостоятельной сущности. В некотором смысле оно связано с научными представлениями. Эта связь проявляется и в самом интересе к пониманию пространства, и в оформлении собственных правил и закономерностей, независящих от наполнения. Но в то же время художественное пространство должно пониматься как эстетическое переосмысление его законов, в котором значимую роль играют ограничения и внутренняя логика художественного произведения. Здесь возникают собственные темы и сюжеты: о рамках и границах пространства, о его контекстуальности, об открытости и закрытости, о соотношенности со временными характеристиками в контексте художественного хронотопа и т.д. Обращение к этим темам в практике искусства происходило всегда, но их теоретическое осмысление активно развивается уже в Новое время, в частности, в Просвещение.

Сложная задача изображения мира и перенесение трехмерных объектов на плоскость в эпоху Просвещения стала мыслиться, как задача познавательная. Немецкий эстетик конца XIXв. Конрад Фидлер называет искусство формотворчеством, суть которого в обнаружении и познании «чистой формы» предметного мира. Конечно, в этой идее очевидно влияние кантианской теории, Фидлер был близок неокантианству. Но она также очень созвучна тем позициям, которые в XVIII веке высказывают разные теоретики касательно живописи, еще не опираясь на Канта и категорию «чистоты», когда говорят о пространстве.

Но сугубо эстетический момент, связанный с изображением пространства, влияет и на социальную сторону развития художественных практик. Идея чистого пространства наиболее ярко подсвечивает вопросы не только о технике его изображения, но и о выборе объектов для его наполнения. Заполнение художественного пространства становится все более и более осмысленным, имеет явное целеполагание, основанное на общих идеологических основаниях эпохи Просвещения.

Социальные аспекты концептуализации пространства в эпоху Просвещения

Итак, второй аспект, связанный с пониманием пространства в художественной деятельности, касается инструментального отношения к пространству в архитектуре. Он активно проявил себя в градостроительстве и организации публичных пространств XVIII-XIX вв. Это также можно рассмотреть как следствие новых научных взглядов и их развития в понимании художественного пространства. Только в данном случае речь идет о пространстве социальном, осмыслении его законов и вариантах организации. В XX в. этой теме было посвящено много работ [4; 6]. Наиболее знаменитые концепции по этому вопросу опираются на примеры эпохи Просвещения, когда появляется и «паноптикум» [13], и говорящая архитектура [7]. Именно в тот период, основываясь на обновленных научных представлениях о пространстве, как едином континууме, вмещающем в себя весь механизм вселенной, возникает инструментальное отношение к нему. В то же время важной особенностью культуры эпохи Просвещения была ее идеологичность, которая опиралась на новое представление о человеке, обществе и процессе воспитания и образования [8]. Цель эпохи Просвещения состоит в том, чтобы найти максимально эффективные практики для него. «Человек ставит способ, каким надо поставить себя относительно опредмечиваемого сущего, на себе самом. Начинается тот род человеческого существования, когда вся область человеческих способностей оказывается захвачена в качестве пространства, где намечается и осуществляется овладение сущим в целом» [14].

В XVIII в. появляются крайне разнообразные пространственные практики и то, что мы сегодня называем средой, т.е. организованное пространство, которое планируется и обустраивается как вместительное определенных социальных взаимодействий. Здесь следует указать на новую категорию общественных пространств, которая включала в себя примеры городского благоустройства (парки, сады, набережные) и специализированные пространства внутри общественных институтов. Множественные яркие примеры можно найти в истории строительства Санкт-Петербурга и перестройки Москвы.

Городские парки, начиная с Летнего сада Петра I, задумывались как пространство социальной жизни. После петровских реформ и внедрения ряда социальных практик, например, ассамблей, появляется потребность в общественных пространствах. Они были серьезной инновацией, поскольку на них допускались не только представители довольно малочисленного двора, но и представители других сословий [9]. Помимо Летнего сада в Петербурге тут можно вспомнить о дворцово-парковых ансамблях в Пушкине, Павловске, Петергофе, Сергиевке, Ораниенбауме и др. Они были устроены как особые места реализации новых социальных проектов. В XVIII в. так же появляются новые образовательные учреждения. В начале XVIII в. открываются специальные учебные заведения: Морская академия, Инженерная школа, школа при Санкт-Петербургской Артиллерийской лаборатории. В дальнейшем система образования укрепляется университетами, в которых организуются университетские музеи. В дальнейшем появляются публичные библиотеки, первый подобный проект был утвержден императрицей Екатериной II в 1795 году.

То, что объединяет эти пространства – это внимание к их внутреннему наполнению при наличии заложенной в них идее воздействия на человека. Их внешний и внутренний облик создавался с учетом ценностных ориентиров и общей идеологии эпохи Просвещения. Всепроникаемость идеи о возможности облагораживания, взращивания личности, возможности влиять на разум прослеживается и в практиках работы с пространством новых социальных институтов.

Одним из самых ярких примеров такой практики может служить регулярное использование античных образов и сюжетов, которые стали универсальным языком, способным выразить довольно широкий диапазон различных смыслов. Музеи и библиотеки также наполнялись изображениями античных философов и научных деятелей, являвшихся копиями со скульптур из коллекции слепков Академии Художеств. Так были обставлены Кунсткамера, Горный музей и другие организации. Коллекция университетского музея в принципе демонстрирует актуальную научную картину мира, классификацию объектов. Но в XVIII в. сразу стало понятно, что залы

музея – это не то, что просто «вокруг коллекции» как вместилище, которое можно было бы делать представительным, официальным или просто красивым. Залы музея так же сами репрезентируют актуальную картину мира, сформированную уже не отдельной наукой, а в целом общими культурными представлениями о том, что должен знать образованный человек. При рассмотрении интерьеров Горного музея помимо более узких естественно-научных тем мы видим тему государственности и государственной традиции (Петр I — Екатерина II), тему науки и технологий как основу государственной мощи, тему интеллектуальной преемственности и прогресса, тему важности универсального, разностороннего развития личности [3]. И все это с помощью обращений к античным пластическим образам, историческим и мифологическим сюжетам.

Античность в этом контексте может рассматриваться как выбранный идеал, к которому стремится в своих практиках эпоха Просвещения. В образе античности, который тогда репрезентировался, отражаются связность настоящего и прошлого, что было важно для концепции прогресса и устремления в будущее; основа культурной общности для европейских стран, «наследующих» Античности; единый образный язык для формирования новых коммуникативных практик и нового типа социальной общности. Художественное и эстетическое воплощение этого образа появилось благодаря активной археологической деятельности в Риме и окрестностях, а также пенсионерским поездкам художников, сделавших античное искусство наиболее востребованным. В целом сформировался культурный феномен разноплановой «рецепции Античности» [15], который выходит далеко за пределы чистого любования грацией античных скульптур или историко-лингвистического исследования античных текстов.

Возвращаясь к вопросу о социальном проектировании, стоит отдельно остановиться на коммуникативном значении общественных пространств для эпохи Просвещения. Сложно и долго, но именно в эпоху Просвещения появляется новое сообщество, существующее вне прежних сословных рамок. В работе «Интеллектуальная культура

эпохи Просвещения в России» Т.В. Артемьева и М.И. Микешин исследуют специфику интеллектуальных и образовательных практик трех социальных групп в России в XVIII-XIX вв. [1]. Интеллектуалы-дворяне, образованные церковники и представители академической среды представляли собой практически не пересекающиеся сообщества. К концу XIX в. их обособленность заметно снизилась, появилась новая социальная группа, называющая себя «интеллигенцией», для которой ее новые коммуникативные и образовательные практики также были крайне важны. Стоит также признать и роль реальной, а не виртуальной среды коммуникации, которая стала тогда доступна: общественных пространств, образовательных учреждений, музеев и библиотек, городских садов и парков. Во всех них ярко проявлялась та самая мода на античность, как мода на то, что было понятно нескольким разобщенным интеллектуальным группам: несмотря на различия в подходах к образованию, все они изучали древние языки, историю, мифологию. Поэтому язык античности в визуальной культуре эпохи Просвещения вполне мог способствовать их постепенному объединению наряду с другими важными факторами.

Учитывая это, можно рассмотреть эпоху Просвещения, как время появления не только отдельных приемов работы с пространством, но и новой концепции инструментального отношения к пространству, что в дальнейшем разовьется и отразится в таких понятиях как среда и дизайн среды. В широкой хронологической перспективе понятие «дизайн» представляется довольно новым и подсвечивает ту новизну в отношениях человека с материальным миром, которая возникла при промышленном серийном производстве нужных нам предметов. Дизайн, с одной стороны, стал важной характеристикой товаров в свете конкуренции производителей, с другой – позволил осмыслить эстетическую составляющую повседневности человека. Если смотреть глубже, то дизайн является понятием, позволяющим осознать и влиять на форму вещи. Татьяна Быстрова называет «генеральной» функцией дизайнера «гармонизацию предметного мира и жизни человека в условиях промышленного производства... путем

осуществления разного рода посредничества» [5, с. 58]. Появление дизайна как феномена требовало развития доступности форм материального мира, доступности технологий их изменения, а также философского, в частности эстетического, основания для подобной работы.

Дизайн среды предполагает проективность, признание влияния среды на жизненный мир человека и общества, вариативность форм и практик организации среды, через которые можно достичь различные цели социального проектирования. Отличительная особенность примеров из эпохи Просвещения состоит в том, что осознание возможности «управления пространством», отход от строгих канонов (церкви) и спонтанности (городская застройка Средних веков) приводят к началу длительного поиска наиболее эффективных приемов для достижения единой цели – облагораживания человека и улучшения его природы. В современном варианте дизайна, пожалуй, сложно найти такую определенность в целях. Актуальные примеры дизайна общественных пространств тяготеют к большей гибкости и адаптивности к социальным запросам. Это отличает практики XVIII-XIX вв. от современных, однако их значимость заключается в начале работы по осмыслению сложной связи эстетического и социального в том, что мы сегодня называем средой.

Заключение

В качестве выводов, следует указать, что концептуализация пространства в науке XVI-XVII вв., осмысление пространства в искусстве и социальных практиках в эпоху Просвещения оказываются связанными общей базовой идеей. Установки, определяющие восприятие пространства, оказываются не нейтральными. Пространство начинает представляться как абсолютное, вмещающее в себя различные объекты, но существующее по своим законам и правилам. Для физики это становится важной частью классической механики. Для искусства это становится обоснованием законов прямой перспективы и принципов изображения объема с помощью передачи светотени. Кроме того, эта идея позволила концептуализировать

художественное пространство, как самостоятельное. В то же время, идея абсолютного пространства нашла свое развитие и в области социального проектирования. Новые общественные институты обрели свое архитектурное и пространственное воплощение. Они проектировались с учетом идеи о влиянии организованного пространства на человека и общества. Множество примеров такого отношения к общественным пространствам мы видим в России XVIII века. Они могут быть рассмотрены как первые подходы к проблеме дизайна среды, который активно развивается в наши дни.

Информация о спонсорстве. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00687 «Образы античных мыслителей в России в контексте европейского Просвещения: рецепция образов, их представление и воспитательное значение в Горном музее и других российских музеях».

Список литературы

1. Артемьева Т.В., Микешин М.И. Интеллектуальная культура эпохи просвещения в России. Учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; Издательство Политехника Сервис, 2020. 356 с.
2. Баксандалл М. Тени и просвещение. М.: Ад Маргинем, 2024. 272 с.
3. Боровкова Н.В. «... К благонадежному изготовлению питомцев, полезными для горной службы» – создание единого музея Горного кадетского корпуса в первой четверти XIX в. // К 250-летию юбилею горного университета. Сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2023. С. 13-21.
4. Бурдьё П. Дом, или Перевернутый мир // Практический смысл. СПб., 2001. 562 с.
5. Быстрова Т.Ю. Вещь, форма. Стиль: введение в философию дизайна. Москва, Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018.
6. Бюхли В. Антропология архитектуры. Харьков, 2017. 288 с.
7. Гепхарт В. Места правосудия: судебная архитектура между сакральными и профанными строениями // Социологическое обозрение. 2007. Т. 66. № 3. С. 21-32.

8. Елишев С.О. Эпоха Просвещения и ее идеология: начало эры социального манипулирования // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. №4. С. 85-106. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-4-85-106>
9. Кинан П. Санкт-Петербург и русский двор, 1703-1761. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.
10. Койре А. От замкнутого мира к бесконечной Вселенной. М.: Логос, 2001.
11. Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». СПб.: Азбука – классика, 2004. 340 с.
12. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 324 с.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2013. 416 с.
14. Хайдеггер М. Время картины мира / пер. В.В. Бибикина [Электронный ресурс]. http://www.bibikhin.ru/vremya_kartiny_mira (дата обращения 25.04.2024)
15. Чиглинецв Е.А. Рецепция античности в культуре конца XIX - начала XXI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. 290 с.
16. Ямпольский М.Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. Москва: Ad marginem, 2000. 288 с.

References

1. Artemyeva T.V., Mikeshin M.I. *Intellectual Culture of the Age of Enlightenment in Russia. Study Guide*. St. Petersburg: St. Petersburg Center for the History of Ideas; Publishing House Polytechnic Service, 2020, 356 p.
2. Baxandall M. *Shadows and Enlightenment*. Moscow: Ad Marginem, 2024, 272 p.
3. Borovkova N.V. "... To the reliable production of pets useful for mining service" - the creation of a single museum of the Mountain Cadet Corps in the first quarter of the XIX century. *To the 250th anniversary of the Mining University. Collection of scientific articles*. St. Petersburg, 2023, pp. 13-21.

4. Bourdieu P. Home, or the Upside-Down World. *Practical Sense*. St. Petersburg, 2001, 562 p.
5. Bystrova T.Yu. *Thing, Form. Style: introduction to the philosophy of design*. Moscow, Yekaterinburg: Cabinet Scientist, 2018.
6. Büchli W. *Anthropology of architecture*. Kharkiv, 2017, 288 p.
7. Gephart V. Places of justice: judicial architecture between sacred and profane buildings. *Sociological Review*, 2007, vol. 66, no. 3, pp. 21-32.
8. Elishev, S.O. The Age of Enlightenment and its ideology: the beginning of the era of social manipulation. *Vestnik of Moscow University. Ser. 18. Sociology and Political Science*, 2022, vol. 28, no. 4, pp. 85-106. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-4-85-106>
9. Keenan P. *St. Petersburg and the Russian Court, 1703-1761*. M.: New Literary Review, 2020, 320 p.
10. Coire A. *From the Closed World to the Infinite Universe*. Moscow: Logos, 2001.
11. Panofsky E. *Perspective as a "symbolic form"*. SPb.: ABC - Classics, 2004, 340 p.
12. Florensky P.A. *Analysis of Spatiality and Time in Artistic and Pictorial Works*. Moscow: Progress, 1993, 324 p.
13. Foucault M. *To Supervise and Punish. The Birth of Prison*. Moscow: Ad Marginem, 2013, 416 p.
14. Heidegger M. *Time of the world picture*. http://www.bibikhin.ru/vre-mya_kartiny_mira
15. Chiglintsev E.A. *Reception of antiquity in the culture of the end of XIX - beginning of XXI centuries*. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2009, 290 p.
16. Yampolsky M.B. *Observer. Essays on the History of Vision*. Moscow: Ad marginem, 2000, 288 p.

ДАнные об авторе

Васильева Марина Александровна, кандидат философских наук,
доцент Высшей школы общественных наук
*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра
Великого*

*ул. Политехническая, 29, г. Санкт-Петербург, 195251, Рос-
сийская Федерация
ma.vasilyeva@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Vasilyeva, PhD, Associate Professor, Educate School of
Social Sciences

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

*29, Polytechnicheskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russian
Federation*

ma.vasilyeva@gmail.com

Поступила 10.11.2024

После рецензирования 05.12.2024

Принята 09.12.2024

Received 10.11.2024

Revised 05.12.2024

Accepted 09.12.2024